
Даже
без слов
услышу
тебя

Коллектив авторов
Екатерина Николаева

Даже без слов услышу тебя

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74669816
Даже без слов услышу тебя : сборник прозы и поэзии / сост. Екатерина Николаева: Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908165-60-0

Аннотация

Вы держите в руках сборник честной прозы и поэзии о родителях, детях и семейной памяти. Внутри нет идеальных открыточных сюжетов. Это книга о тепле маминого голоса и запахе старого дома, о запоздалом понимании, обидах, недосказанности и прощении.

Авторы делятся личными историями в форме рассказов, писем, стихов и эссе. Каждая страница – это попытка обнять тех, кто был и остаётся дороже всех на свете, вспомнить традиции, которые держат нас вопреки времени и расстоянию.

Содержание

Ирина Авраменко 5
Разговор 5
Запасные пуговицы 7
Стены 9
Кети Атанезова 10
Вениамин Бычковский 16
Галина Гречкина 31
Глава 1. Солнце из Клявлинских краёв 32
Глава 2. Берегиня и её уроки 34
Глава 3. Золотой компас искренности 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Коллектив авторов
Даже без слов услышу тебя

© Издательство «Четыре», 2026

Ирина Авраменко

Разговор

Когда Асина мама потеряла слух, она первым делом выключила телевизор. Просто подошла и нажала кнопку. Будто вместе с голосами дикторов исчезло что-то лишнее.

Сначала Ася говорила с ней громко. Слишком громко.

– МАМ, ТЕБЕ ЧАЙ НАЛИТЬ?

Мама вздрагивала и улыбалась виновато, словно она доставляла неудобства. Потом появились бумажки. «Купила хлеб». «Таблетки на кухне». «Я задержусь».

Но настоящие разговоры всё равно куда-то исчезли.

Однажды Ася пришла домой после трудного дня. Поссорилась с мужем, расплакалась в автобусе, на работе устала так, что даже куртку не сняла, так и села на пол в прихожей.

Мама вышла из комнаты. Посмотрела внимательно. Ничего не спросила, только молча села рядом. Ася вдруг начала говорить – быстро, сбивчиво, почти сердито. Про работу, про мужа, про страхи и несправедливость. Говорила и понимала: мама не слышит ни слова.

Но мама смотрела так внимательно, так спокойно, будто слышала даже то, чего Ася сама не умела произнести. Потом мама осторожно взяла её руку и, как в детстве, погладила

большим пальцем по ладони. Три маленьких движения. Когда-то давно это значило: «Я рядом, спи».

И Ася неожиданно расплакалась уже по-настоящему, уткнувшись маме в плечо.

В прихожей было очень тихо. Тикали часы. За окном шуршал дождь. А между ними шёл разговор, для которого никогда не были нужны слова.

Запасные пуговицы

Когда Олина мама была молодой, она всё умела чинить. Пуговицы, молнии, разбитые коленки, плохое настроение. Казалось, стоит ей достать свою жестяную коробку с нитками, и мир снова становится крепким.

Оля выросла и давно жила отдельно. Заезжала редко, всё время куда-то спешила.

В тот день мама попросила помочь перебрать шкаф.

– Руки уже не те, – смущённо сказала она. – И нитку в иголку не могу вставить, плохо вижу.

Оля удивилась. Мама, и плохо видит? Мама, и не справляется?

Они складывали вещи, и вдруг на пол упала та самая жестяная коробка. Крышка открылась, и по ковру рассыпались десятки запасных пуговиц.

– Зачем тебе столько? – засмеялась Оля.

Мама пожала плечами:

– Вдруг пригодятся.

Оля начала собирать их и вдруг заметила маленький пакетик с надписью детским почерком: «Для мамы». Внутри лежали три неровно пришитые пуговицы. Когда-то в школе их учили шить, и Оля очень гордилась своей работой.

– Ты до сих пор это хранишь? – тихо спросила она.

Мама отвернулась к окну.

– Ну а как же… Вдруг пригодятся.

И только тогда Оля поняла, что некоторые вещи родители хранят не потому, что они нужны. А потому, что любовь тоже должна где-то лежать про запас.

Вечером Оля пришила маме оторвавшуюся пуговицу на домашней кофте. Мама ничего не сказала, только погладила её по голове и улыбнулась.

Стены

Это письмо я никогда не отправлю.

Мама, прости за то, что в юности мне казалось, будто ты всё время меня ограничиваешь. Только став взрослой, я поняла: ты не строила стены. Ты просто стояла снаружи и держала их, чтобы они не рухнули на меня.

Я сейчас точно так же держу стены над твоим внуком…

Кети Атанезова
Дорогая бабушка

В этот снежный вечер бабушка сидела в своём кресле и думала о многом.

О своей жизни. О благополучии своих внуков. Она видела в них отраду и даже смысл. Что же делать, почему сейчас она так одинока? Никто не хочет согреть ей сердце в этот морозный день. Остаётся лишь о многом думать и думать. Что же это такое с ней? Почему бы не встать и не заняться делом? Ох, сколько, сколько же нужно разобрать вещей в доме! В её уединённом доме.

Она сидит, и ноги почему-то не хотят вставать. Где проблема? В сердце!

Неужели сердце может управлять ногами? Правда, что ли?

Но что, если сердце – это центр человека? И никому не суждено управлять им, кроме тех, кого мы правда любим?

Бабушкой руководило именно это! Что-то сердечное держало её в кресле. Проблема состояла совсем не в нехватке энергии или в лени.

Старая женщина глядела в стену напротив. Всё думала.

Мысли унесли её далеко, в мрачный мир одиночества. Да, это как отдельный мир, хранящийся внутри нашей жизни.

Нужно стараться, чтобы не оказаться в нём по чистой случайности. Мир одиночества приносит нам в сердце пустоту, которая обессмысливает наше существование. А раз сердце – это центр человека, бабушкины ноги не хотели подниматься, чтобы заняться делами и вернуться в реальность. И дело здесь было не в любви, а в её отсутствии.

Но кто же этот человек, которому суждено наполнять сердце бабушки смыслом?

Однажды вечером Катя тоже попала в мир одиночества. Случайным образом.

Она сама не поняла, как оказалась по ту сторону реальности. Просто ступила на порог мрачного и грустного мира. Пришлось зайти и невольно задержаться.

Катя – старшая внучка. Она похожа на бабушку, но этого ещё никто не приметил. Их схожесть словно сокрыта с глаз. Да разве это что-то значит вообще? Главное – быть похожим в сердце.

А сердца девочки и её бабушки сейчас так сильно пустовали! Так сильно! Они бились одинаково, но не вместе. Ведь Катя не хотела общаться с бабушкой. Мама говорила, что та злая и вредная женщина. Но дело было в том, что мама не любила бабушку. Просто так. Ни за что. Без причины. Нет родства душ.

Но Катя стала родней бабушке – оттого, что тоже оказалась в ловушке одиночества. Девочка словно бы впервые

увидела её настоящую. Они обе сидят в мире одиночества. Обеим ужасно и мрачно. Одиноко.

Катя даже перестала гулять. Возможно, ей пора согреть чьё-то сердце. Судьба зовёт её! Она зовёт её к бабушке!

Мир одиночества поглотил их… Какой ужас!

* * *

По-прежнему стояла зима. А Катина бабушка всё так же мрачнела от пребывания в мире покинутости. Краски жизни сгустились. Она была в другом месте. Катя тоже.

Почему-то внучка тоже потеряла свою активность. Видимо, проблема в сердце, а ноги никуда не ходят. Если бы они увидели друг друга в этом грустном месте, возможно, спаслись бы! Но нет! Катя не хотела общаться с бабушкой. Она старая и неинтересная! Куда ей до молодёжи!

Но что, если бабушка и Катя уже где-то в одном и том же мире?.. Слишком близко, но неузнаваемо! Им не видно друг друга. Однако… ведь если они заметят хоть кого-то, мир одиночества рухнет. И только тогда придёт спасение!

И вот однажды случилось нежданное и негаданное. Катя поняла, что оказалась в мире одиночества, чтобы помочь бабушке из него выбраться.

Как интересно!

* * *

Катя пришла поздравить бабушку с днём рождения.

Они были одни – Катя и бабушка. Последняя выглядела грустной в свой праздник. Но всё равно улыбалась внучке. Мир одиночества рухнул. И Катя почувствовала какое-то удовлетворение. Она поняла, что рядом с бабушкой тепло и хорошо на душе. Это важнее любых, самых крутых вещей в жизни! Мир покинутости научил девочку чему-то по-настоящему ценному.

Наверное, так невзгоды дают нам новое понимание. Мы созданы помогать и спасать друг друга! Каждого человека. И бабушка в свой день рождения чувствовала, как её любимая внучка спасает её от мира полного уединения.

Разве это не лучший подарок для старой женщины? Она наконец оживилась и начала готовить что-то быстрое и лёгкое для праздничного стола. Сделала бутерброды с икрой и колбасой – всё, как любит Катя.

Ну чем не праздник? Ведь мир одиночества рухнул! И сейчас Катя в правильном месте в правильное время. А сердце вновь вернуло активность в тело благодаря бабушке и её бутербродам.

Только человек может спасти другого человека от заброшенности. Это закон жизни. Ведь в мрачном мире одиночества мы теряем цель и наполняемся пустотой. Даже ноги не

хотят подниматься и куда-то идти. Ведь нет цели у центра человеческого творения – сердца.

Там заложено то, что дарит нам крылья. Только там. И мы не властны что-то менять, потому что так созданы. Но только так мы и сильны!

– Мы сильны и счастливы только вместе, Катенька, – сказала бабушка. – Приходи ко мне почаще!

Девочка кивнула. И старая женщина стала совсем другой. Весёлой и деловой, всё хотела порадовать внучку.

Смысл жизни человека сокрыт в его сердце, поскольку оно – центр нашего существа. Если мы желаем человеку блага, то должны обязательно беречь его чувствительное к нам сердце. Мы должны соблюдать это со всей серьёзностью. Так, словно сердце – это такая же часть тела, как нога или рука. Иначе причинение непоправимого вреда неизбежно!

Так Катя спасла бабушку от неминуемой гибели. И Бог по этой причине получит больше сил на созидание и заботу о девочке. Так устроена наша жизнь. Добро приближает Бога к нам. Мы можем иногда не замечать, но Он в итоге спасает всех тех, кто жил и живёт, делая добро, а не пресловутое зло. Каждое утро – это знак для надежды на то, что боль пройдёт и забудется, ведь наступает следующий день.

Так мы станем частью бесконечного счастья и довольства. Мы можем часто не замечать каких-то моментов. Но это живёт, хотя очень тихо, в нашем измученном мире. Оно тихо, потому что несокрушимо. Никто не вправе мешать доброй

силе существовать.

Мы всё равно будем королями своего мира, как бы злые силы ни хотели нас сломить!

Всегда помни об этом, дорогой читатель!

Вениамин Бычковский
Бабье лето

После бессонной ночи всё как будто не хватало воздуха.

Только к полудню старушка Маня вышла на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом «бабского» лета. Ещё девчонкой, подражая старшим, прозвала она бабье лето «бабским», да так и осталось. Позади её «бабские» золотые годочки, теперь ей уже за восемьдесят, и остаётся любоваться осенним золотом только из окна или с крылечка.

Старушку звали Марией Васильевной, но в деревне её называли просто Маней или «баба Маня». Ей нравилась эта простота в своём имени, и так называл муж – единственный её возлюбленный Николай, которого давно уже нет. Построил дом и вскоре умер, и года не прожил в нём.

Маня стояла на крыльце, опираясь на палочку. В валенках, в полинявшем пальтишке и в тёплой шали она выглядела так, точно собралась в зиму. Конечно, солнце её радовало, но уже не грело, и любое время года она провожала с одной мыслью: «Вот ещё одно лето пережила, может, последнее…» Бог даст, и золотая осень украсит её старость!

Во дворе старушка увидела сына за работой. Анатолий так разогрелся, что разделся по пояс. Он навешивал новую калитку из железных прутьев. Калитка казалась прозрачной и с

кружочком по центру, от которого тянулись прутья, как лучи от солнца.

«И у калитки своё солнце будет, молодец, сынок…» – отметила Маня, и ей захотелось поговорить с сыном. Но, подумав, решила не отвлекать его от работы.

Она посмотрела на тропку у крыльца и сошла вниз. По тропочке подошла к скамейке под навесом дома и села на её краешек.

Перед ней раскинулся двор, залитый солнцем. Клумбы цветов, ровные кустики вдоль забора, аккуратные дорожки, ведущие к колодцу, к резной беседке…

«Красиво! Как в кино! И всё как будто новое… – задумалась она. Потом поёжилась, будто замёрзла. – А я ведь боюсь нового. Оно кажется мне холодным и жёстким, похожим…»

Её мысль прервалась резкой болью в сердце. Она сложила руки на груди, будто обняла себя, а мысль всё металась в ней и скоро нашла выход – ещё раз кольнула в сердце.

– Вот-вот, в старом – моё сердце! – выдохнула старушка.

Её взгляд остановился на беседке, которая красовалась резными перилами, замысловатой, как у терема, крышей – и эта работа сына ей очень нравилась. Только находиться в беседке ей было неуютно. Если приходилось сидеть там с внучкой, то Маня всегда вспоминала старуху из «Сказки о рыбаке и рыбке», когда сварливая старуха становилась дворянкой, но при этом ни ступить, ни молвить не могла, как полагалось. И Мане не хотелось смешить ни рыбака из сказки, ни себя.

Ей нравилось сидеть вот здесь, под навесом, на этой старой скамейке, которая тоже стеснялась нового и прижалась к бревенчатой стене дома, как дитя к матери.

Только солнцу было всё равно – старое или новое, оно одинаково золотило старый бревенчатый дом и современную беседку, старую скамейку и совсем новую калитку, но больше всего солнце хвасталось позолотой на деревьях!

И этот укол счастья был в самое сердце Мани! Сердце рвалось от бессознательной радости и полноты жизни! Всё тут, всё – от самого детства. Она улыбалась и чувствовала к кому-то детскую благодарность за всё, что переживала сейчас. И золото осени, и тепло от солнца, казалось, были только затем, чтобы она ещё больше любила и ценила этот день.

Старушка закрыла глаза от солнца и скоро задремала.

Ей снился старый дом, ещё дедом построенный. Печка. Она заглянула в очаг, где жар краснел… но на её глазах угли превратились в остывшую золу… Она подошла к колыбели, где сопел и барахтался сын… но, протянув к нему руки, осознала, что колыбель оказалась пустой и одеяльце с подушкой остыли…

Многое из того, что она знала и забыла, снова выплывало наверх из бездонных и тёмных глубин памяти. Ей не нужно было вспоминать, ибо она в одно мгновение стала видеть, как, вероятно, «видят» слепцы.

Маня увидела тропинку – и прозрачную тень на ней. Да это же она – в далёком детстве – босой идёт в соседнюю де-

ревню. Идёт одна… Наверное, в церковь, когда мать болела.

А вот и старец-слепец на паперти церкви. Сидит в ожидании милости и незрячими глазами тянется к солнцу, ловя тепло его. Кажется, что милости он ждёт не от людей, а от солнца…

От скрипа калитки Маня очнулась и открыла глаза.

«И сегодня такое же солнце, – подумала она и, закрыв глаза от слепящих лучей, вновь погрузилась в сон и воспоминания. – Господи! Слепец с поводырём стояли под окнами и пели о смертном часе. Услышав их, мать бросила все дела и вышла за ними. Божьи певуны вошли в избу, в пояс поклонились, перекрестились, и мать усадила их за стол. В ветхих зипунах, с нищенскими котомками за плечами, ходили они по деревням и пели духовные песни. Опустит, бывало, мать голову и слушает, а слёзы-то по лицу так и катятся!»

Маня проснулась, но продолжала сидеть с закрытыми глазами, а по лицу катились слёзы.

«Господи! Как хорошо-то!»

Она чувствовала, как в её душе собралась вся жизнь и, кажется, уже сливается с золотым днём бабьего лета.

Оценили этот день и мухи. Чёрным роем облепили деревянную стену у неё за спиной и, не шелохнувшись, грелись на солнце. Старушка тоже тихо сидела и утирала слёзы радости: «Смотри, сколько света и золота! Смотри, Маня, любуйся, что лежит перед тобой!.. И ничего, что позади уже мухи слетелись на прошлое…»

Она ещё немного посидела и стала замерзать. Да и в доме внучка одна, не случилось бы чего!

Сегодня сын дома, так младшую не повели в садик, и молодые подольше понежились в постели. «Небось хозяйка и на птицефабрику опоздала, – вспомнила старушка и задумалась о невестке, – хотя это не впервой, как-никак начальница… И в доме она начальница, во всём любит порядок. И посмотреть на неё любо-дорого – красавица!»

Только характер тяжёлый. Однажды ей даже старухи об этом сказали:

– Злая у тебя невестка, от неё и сын портится, Маня…

– Кому она злая, а мне лучше её нет! – одёрнула она старух.

И при ней больше не вели разговоров об этом.

«А ведь правы были люди: сильно сын добром поубавился. Всё больше молчит. Зато невестку не сдержать! А в чём я виновата? Что сына-богатыря вырастила? За дом, что старый? Но с новой пристройкой и не подумаешь, что он старый. Николай последнее здоровье отдал, пока построил. Ладно, старшие сыновья помогли… Никого из них уже нет в живых, а дом стоит. И внучки родились в нём. Да я ещё на ногах. Только уже не в радость, мешаю молодым. Иной раз и до баньки некому проводить. А могла бы ещё и у печки постоять, да не доверяет невестка, брезгует. Уж давно посуды не касаюсь, иначе перемывать кинется. Бог с нею! А что косо посмотрит иногда, так это ничего… По деревне сказывают,

будто есть случаи, когда стариков из дома выгоняли. Но что-то не верится. Люди умеют приплести своё, особенно там, где кипят страсти. Может, и я зря обижаюсь на невестку?»

– Прости меня, Господи! – перекрестилась Маня и, опираясь на палочку, встала со скамейки. Она медленно побрела в дом, а мухи на стене даже не шелохнулись – точно Мани уже и на свете не было.

Перешагнув порог дома, старушка сняла в прихожей валенки, дабы не наследить, повесила пальтишко, шаль и по ковру зашагала в шерстяных чулках, которые на худых её ножонках кое-где морщинились. В этих морщинках на чулках было что-то от её бедного детства, когда чулочки доставались от старших сестёр, а если покупались, то всегда на вырост. И если бы не седина и возраст, то можно было подумать, что это девчушка идёт по ковру.

Маня остановилась у двери в детскую, прислушалась. «Никак с куклой играет. Растёт красавица! Пять годков, а в своей группе детсада на голову выше всех…» – подумала она и решила не отвлекать внучку.

Бесшумно шагая по комнате, залитой лучами солнца, она опять почувствовала укол в сердце, только в этот раз укол был глубже и вызвал испуг – не упасть бы! Лучи из окон ложились на дорогую мебель, на роскошный ковёр на полу, и вдруг это полное единство с красотой в доме, что окружало сейчас Маню, стало отворачиваться от неё, становиться чужим.

Она зашла в свой закуток, куда солнце давно не заглядывает. Спрятанный от глаза печкой и прочной занавеской и оттого, наверное, не менявшийся от времени, он, казалось, принадлежал чему-то древнему, что уже и в мире-то не сохранилось.

Кошка, которая обычно грелась в ногах, сидела сейчас у окна и что-то высматривала в саду, где яркие разноцветные листья, устав от жизни и холодного ветра, торопливо падали с деревьев на землю в надежде хоть там немного отогреться. Старушка могла их понять: она сама спешила на кровать, чтоб, не раздеваясь, укрыться тёплым одеялом.

Перед тем как лечь, она остановилась напротив иконы, перекрестилась и вполголоса прочитала молитву. Затем долго укладывалась, пока не нашла такое положение, чтобы лучше дышалось. Маня закрыла глаза и тут же их открыла – кружилась голова. Она взглянула на сундук, стоявший у кровати, где хранились все её пожитки и небольшой пакетик на случай смерти. И, как бы спасаясь от мрачных мыслей, перевела взгляд в уголок, где висела старая икона с медной лампадкой.

«К иконе подошла впервые ещё совсем маленькой», – вспоминала Маня. И матушка, простая и ласковая, строго учила её, как надо креститься, учила словам, которые сама-то Маня не решается говорить своим внучкам. Невестка запретила. Да и иконка-то висела раньше в другом, светлом месте. Перевесили вскоре после свадьбы молодых, когда хозяйкой в доме стала невестка…

Старушка опять почувствовала неглубокую, но тревожную боль в груди. Боль быстро прошла, однако сменилась сонным томлением и тревогой. Её всё больше клонило ко сну, и глаза уже слипались, как вдруг она услышала голос внучки:

– Бабуля, а бабуля! Не спи!..

– Нет, я не сплю, я ничего, – ответила старушка и, открывая глаза, повернулась к внучке.

Девочка не сдержалась и всхлипнула.

– А чего плачешь? – с жалостью спросила Маня, вытирая слёзки с её лица.

– Мне страшно, – сквозь слёзы ответила внучка.

– А чего? – заволновалась Маня.

– Я испугалась, что ты умерла… – изредка всхлипывая, вздрагивающим голосом ответила внучка.

– Ну что ты… Что ты, милая… – поглаживая её по голове, успокаивала Маня.

Перестав плакать, внучка сказала:

– А мама ругается, что ты долго живёшь…

Маня ничего не ответила, а только подняла свой взгляд куда-то вверх, забрала руку с головы внучки и положила себе на грудь.

Внучке опять стало страшно, и она приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть бабку и знать, что она не спит. Заглянув в лицо бабки, девочка спросила:

– А почему ты плачешь? Ведь я уже перестала…

Старушка вновь провела рукой по её голове и тихо ответила:

– Нет… Я не плачу… Просто глазки болят.

Девочка залезла на кровать около изголовья старушки.

– Я знаю, ты по мне скучаешь, – сказала внучка. – А мамка не пускает к тебе, говорит, что ты больная и скоро умрёшь… А разве от глазок умирают?

– Нет, не умирают, – ещё тише ответила старушка.

Девочка кулачком утёрла слёзы на лице бабушки. Затем глубоко вздохнула, чтобы вытеснить из своего сердечка страх и сомнения. Внучка была уже готова поиграть с бабулей, когда Маня почти шёпотом сказала:

– Внученька! Кликни мне папку… Только на крылечке не упади! Погоди чуток…

Старушка взяла маленькую тёплую ручку и на мгновенье положила себе на губы.

Внучка сползла с высокой кровати и, пока шла до отца, про себя рассуждала: «Когда мама целует ручку, то тепло, а губы бабули почему-то холодные. – И тут же сама себя успокоила: – Знаю! Она же старенькая, вот губки и замёрзли».

Старушка лежала на столе уже второй день, но тело её не пахло смертью, настолько оно было маленьким, худым и очень опрятным. А сидевший у изголовья сын рядом с нею казался ещё крупнее. И разница была столь велика, что невольно приходило в голову: как это маленькое, скупое тело

матери могло дать сыну такое здоровье, оставив себе только то, что сейчас покоилось в гробу?..

Сын молча плакал редкими слезами, искажая своё лицо, чтобы без звука стерпеть печаль и боль в сердце. «Как же я мог опоздать?! Когда подошёл, она была уже мертва. И во дворе не подошёл, когда она сидела на скамейке…» – корил себя сын. И чтобы скрыть от всех своё отчаяние, он все заботы с похоронами взвалил на свои плечи – так было легче ему.

Не забыл он и давний наказ матери: поехал в район договориться с батюшкой об отпевании.

Дом был открыт, и многие из деревни ходили смотреть на Маню. Но не слышалось ни плача, ни причитаний, лишь редкие всхлипывания одиноких старушек, которые больше напоминали уставшие вздохи, чем плач.

Сноха Алла Петровна занималась поминками. Она знала толк в любых застольях и умела накрыть стол.

Заготавливая блюда, она вновь и вновь думала о поминках. И чего бы ни говорили в деревне о ней, об отношении к свекрови, завтра она всем покажет, как надо поминать! Сытно накормит, вдоволь напоит, и всей деревней будут говорить, что, мол, Петровна всем нос утёрла! Попробуй скажи, что обижала старуху, если такие поминки закатила!

На кухне появилась её старшая дочь Маринка и холодно обратилась к матери:

– Пока у гроба никого, я посижу с бабулей.

– Ну, иди. Только не засиживайся, здесь поможешь…

Маринка вскинула глаза на мать и молча вышла из кухни.

«Ишь, как взглянула, точно обожгла! – задумалась Алла Петровна. – Тоже с характером».

Не думала, что её Маринка так сильно привяжется к старухе. А с другой стороны, иначе и быть не могло: пока она работала и училась в институте, старуха нянчилась с дочкой. До сих пор Маринку тянет в закуток старухи. Уже не раз ловила на себе её пристальный взгляд, в котором читалось: «Что, мамочка, дождалась смерти бабушки?..»

Помимо этого взгляда, что-то ещё настораживало, и Алла Петровна решила не оставлять их наедине. И к мёртвой она ревновала Маринку и вслед за ней появилась у гроба.

Она терпеливо сидела рядом с дочкой и задумчиво смотрела поверх покойной. Больше всего она боялась, что старая сляжет и за ней нужен будет уход. Обошлось. Одного она не может объяснить себе: почему свекровь раздражала её? Ведь и опрятная была, и слова лишнего не говорила… Но если свекровь была рядом, то ей на сердце как будто камень ложился и мешал не только говорить, но и дышать. Сколько она ни пыталась побороть в себе это чувство, ничего не выходило. Порой срывалась и уже не помнила себя. Правда, пугала этим не свекровь, а мужа, который при этом молчал или непонятно кивал головой: то ли отворачивался, то ли соглашался с ней… Ещё до замужества она поняла: из него хоть верёвки вей. Но это между ними. А так, пожалуй, самый видный мужик в совхозе, и руки золотые. И будь он посме-

лей, далеко бы пошёл. А в общем, грех обижаться. Почитай, одни из самых богатых в деревне.

Недолго просидела у гроба Алла Петровна, приготовилась уже встать, когда в комнату вошёл Анатолий. Не глядя на жену и дочь, тихо сказал им:

– Идите. Я посижу один.

– Ты лучше иди поспи! – воскликнула жена, резко поднявшись с места.

Анатолий промолчал. Он притворил за ними дверь, медленно приблизился к матери и сел на стул. Одной рукой он опёрся на край гроба, а другой стал гладить по принаряженному телу матери.

Под его рукой было нечто ледяное, неподвижное, бездыханное, и всё же совсем не то, что можно было назвать трупом. «Разве то, что лежит и молчит в этом новом, красивом гробу, обитом лиловым бархатом с орнаментом и крестами, разве это та, что ещё вчера сидела во дворе под лучами солнца? – терзал себя мыслями Анатолий. – Нет, совершилось с ней некое преображение – и всё преобразилось вокруг неё». Только он один остался прежним.

Он закрыл глаза. Мужчина не думал, что уже вторые сутки не спит. Он находился в положении человека, впервые узнавшего, что у него есть душа. Анатолий ощущал её и чувствовал, где она, потому что душа его болела. В ней творилось что-то невообразимое…

Что это – проснулась совесть? Но Анатолий не верил в

совесть. Если бы её можно было ощутить, то она, наверное, всё время зудела, и он сошёл бы с ума. И в смерти матери он не винил себя, но ощущал какой-то стыд.

И вдруг он вздрогнул, когда сквозь тёмную толщу своего забытья он заметил, что его левая рука лежит на глазах матери, как будто прикрывает и без того закрытые глаза. Он поспешно отдёрнул руку и встал. Потом нагнулся и поцеловал холодный лоб матери, продлив этот поцелуй, насколько хватило воздуха в груди. В течение всего этого прикосновения ему казалось, что под тонкими, почти ажурными веками спрятана сейчас улыбка матери.

Он развернулся и пошёл за печку, в уголок матери, где зажёг лампадку. Свет от неё тут же высветил икону и небольшую деревянную рамку, под стеклом которой были фотографии отца, старших братьев и его самого – ещё тех времен, когда учился в школе. А сейчас он тенью на стене, не колыхаясь, как свеча перед иконой, еле-еле горит.

Задёрнув занавеску, он присел на кровать, под которой в детстве прятался в играх, и заплакал, уже не сдерживая слёз и всего того, что скопилось за последние годы в его душе. И чем больше он плакал, тем больше прояснялись воспоминания. Казалось, вместе со слезами рассеивается туман в его голове, и он видит, понимает сейчас всё, что происходило с ним в эти годы.

Чаще всего мать сидела в своём уголочке и тихо ждала, когда он придёт с работы и всей семьёй сядут ужинать. А

он приходил всегда усталый и не находил времени для неё. Жена и вовсе всегда чем-то была недовольна. Только дочки тянулись к ней. И жила его мать как бы с краешку. Да и за ужином сидела за краешком стола. Смущалась, если звякала ложкой о тарелку, – старалась не шуметь. С ней молчали. И она не засиживалась за столом, чтобы у них оставалось время почаёвничать за разговорами.

И за всё он теперь винился перед матерью, точно она стояла рядом, но молчала…

А он сам разве много говорил с ней? Разве он не молчал, когда откровенно обижали мать? Сколько раз под хмельком распускалась его баба и могла сказать всё… А она, бедная, как праздник – шла к соседке. Там ей было спокойнее…

Вспомнил он и последний разговор с матерью. Совсем недавно.

После ужина мать поднялась и стала собирать со скатерти крошки.

– Что ж мы, нищие? – сказал он тогда с упрёком.

– Нет, слишком богатые, – ответила она.

Мать всё знала и страдала за него. Она по-своему расплачивалась за его покой, за его машину, мебель – за всё расплачивалась своей душою, любовью к нему, к его дочерям…

Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным и слабым! Он беззащитен даже в собственном доме, где родился, где вырос, где создал семью… Сердце подсказывало ему, что случилось нечто гораздо более страшное, чем уход матери,

случилось нечто таинственное и непоправимое для его семьи. Он уже чувствует на себе чужой, незнакомый взгляд, в котором угадывается усмешка, торжество победы ещё над одним домом добра и любви. Он уже видит, как во все щели дома неслышно вползает что-то чёрное, занимает всё пространство комнат, спешит за печку, а он не в силах остановить… Ему кажется, что и лампадный огонёк начинает гаснуть, и тут же давит тьма…

Страх поднял его с кровати. В вечернем сумраке он вернулся к гробу, наклонился, поцеловал руки, губы матери и сказал:

– Прости меня…

Осторожно сел рядом и закрыл глаза, чтобы сердце его забыло думать и чувствовать.

А на мёртвом лице старушки остались блестеть несколько его слезинок, отчего казалось, что мать только на время закрыла глаза от слёз, которыми оплакивала своего последнего сына.

Галина Гречкина
Хранительница тепла и мудрости рода

Июнь. Красивый месяц с цветущими клумбами во дворе дома моих родителей. Ароматы, в которых можно купаться. Особенно розы – те самые, что были посажены двадцать пять лет назад. Они любят хозяев, им не страшны морозы и чудеса погоды.

А из летней кухни идёт тёплый запах сырников. Утро начинается со звона колокола где-то вдали, стрекотания воробышков и запаха парного молока. Ступая на крыльцо, вдыхая ароматы утра и озирая вокруг черешни, виноград, груши, яблони, теплицы с помидорами и огурцами, осознаёшь: во всём этом – моя мама.

И как она всё успевает?.. Я всегда удивляюсь. Наш генерал, наша хранительница очага. И да, она старшая в своей семье и гордо несёт своё предназначение старшей рода.

Кто прекрасно готовит? Кто любит своих кормилиц-коровок? Кто вырастил сад и огород, наполненные плодами и любовью? Кто заботится о семье? У кого много верных друзей? Кто любит жизнь и музыку?

Это всё моя мама…

Глава 1. Солнце из Клявлинских краёв

Её история началась в 1963 году в селе Клявлино Клявлинского района Самарской области.

Время тогда было непростое: эхо послевоенных лет всё ещё отчётливо звучало в судьбах людей, а деревенский быт требовал огромных сил.

Но среди этих суровых будней маленькая Светлана росла настоящим солнцем – ярким, неудержимым лучом света. В ней с ранних лет жили колоссальная воля, удивительная лёгкость и непреодолимая жажда познания.

Уже в шесть лет она отчаянно рвалась в школу. Девочка безумно любила читать, но её энергии хватало абсолютно на всё: она успевала и в библиотеку сходить, и маме по дому помочь, и чистой воды с родника наносить, и к подружкам на улицу сбегать.

Со временем она с лёгкостью освоила два языка. Мама была воплощением радости и бьющей через край силы – добрая, весёлая, она восхищала каждого, кто оказывался рядом. Даже на школьных уроках физкультуры её летящий силуэт оставлял всех позади: в беге она легко обгоняла мальчишек.

Спустя годы эта солнечная девушка встретила моего папу. Его имя Виктор – сильное, красивое имя, означающее победу. И союз их был предрешён: между Светланой и Виктором

вспыхнула такая же горящая, сильная и чистая любовь. В результате этого прекрасного союза, рождённого в свете и силе, появилась на свет я.

Глава 2. Берегиня и её уроки

Главный ориентир в жизни мне был дан с самого рождения.

Мама окружала меня бесконечной нежностью, абсолютным пониманием и заботой. При этом её любви хватало не только на семью. С двадцати пяти лет она связала свою жизнь с удивительной и благородной профессией – стала школьным поваром, а позже возглавила школьную кухню в качестве старшего повара.

Каждый день она кормила огромное количество детей – тысячу двести человек. И в каждое блюдо для этих ребят она умудрялась вкладывать то самое материнское тепло, которое так чутко улавливали дети. Сегодня, когда мне самой исполнилось сорок два года и я сама познаю материнство, я до глубины души поражаюсь этому невидимому женскому подвигу. Как можно сочетать в одном сердце такую нагрузку, безграничную мягкость, необходимую строгость и редкое умение безоговорочно принимать своего ребёнка?

Мама видела мой характер, слышала меня, тонко чувствовала меня и всегда была за меня. Несмотря на тяжёлую работу, дачи и домашнее хозяйство, которое мы всегда дружно поддерживали, мама оставалась истинной берегиней очага.

Когда я была маленькой, она неизменно находила время читать мне книги и делиться повседневными радостями. Но

самым главным нашим ритуалом стали вечерние чаепития. За чашкой горячего чая мы разбирали всё, что произошло за день. Мама умела слушать как никто другой. Очень часто она применяла в разговоре пословицы и поговорки – всего две-три ёмкие народные фразы, и в моей голове тут же рождалось ясное, кристальное решение любого сложного вопроса. Именно на этих дачах, за этими книгами и разговорами во мне прорастал внутренний стержень, а женственные силы и женская энергия наполняли меня.

Глава 3. Золотой компас искренности

Один из самых главных маминых уроков я получила ещё в начальной школе.

Принеся домой плохую отметку, которую мне совсем не хотелось показывать, я всё же пересилила страх и честно обо всём рассказала. Я видела, что другие дети часто скрывали свои неудачи, но выбрала иной путь.

Мама не стала ругать меня. Она улыбкой поддержала мою смелость и произнесла слова, ставшие моим жизненным компасом: «Сладкая ложь всегда хуже горькой правды. Рано или поздно люди всё равно узнают об обмане и перестанут тебя уважать».

Эти слова навсегда определили мой путь. Я выбрала искренность. Я бесконечно рада, что мама научила меня быть таким человеком. Она подарила мне эту внутреннюю свободу – роскошь жить без масок и обмана.

В восьмом классе этот урок честности перерос в урок личной ответственности. Когда я в очередной раз пришла к ней с нерадостной оценкой, мама посмотрела на меня как на взрослую и мягко сказала, что отныне я сама способна контролировать этот процесс. Она передала выбор в мои руки, дав понять: только мне решать, нравится ли мне такой результат, нужно ли мне это и как именно я могу всё исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.